

**И ВОТ –
СВОБОДА**

ЭВЕЛИН ПИЗЬЕ

КАРОЛИН ЛОРАН

И ВОТ – СВОБОДА

Москва
2020

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
П32

Evelyne Pisier, Caroline Laurent
ET SOUDAIN, LA LIBERTE

Copyright © Editions Les Escales / EDI8 - Paris 2017
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Фотография на переплете © Una Liutkus

Перевод с французского *Елены Брагинской*

Пизье, Эвелин.
П32 И вот — свобода / Эвелин Пизье, Каролин Лоран ;
[перевод с французского Е. О. Брагинской]. — Моск-
ва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104979-9

Люси растет во Французском Индокитае, который лихорадит от скорых перемен. Вот-вот грянет революция. Она живет в большом доме вместе с красавицей-матерью Моной и отцом Андре. Отношения родителей не назвать идеальными — отец все время давит и как будто не дает права голоса ни жене, ни дочери, воспитывая в них послушание и покорность. Со временем робкая Мона смелеет, осознавая, что ее брак живет без любви. Все окончательно меняется после того, как ей попадается книга Симоны де Бовуар «Второй пол». Вернувшись из Азии во Францию, разведенная и просветленная Мона вместе с дочерью бросается на поле битвы за права женщин и угнетенных во всем мире.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-104979-9

© Брагинская Е., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Ж.М.Р., другу, который знал,
что две жизни — это лучше, чем одна.
Отцу, матери, сестре, которые этого не знали.*

Э. П.

*Тебе.
И той дружбе, которая сделала
наши жизни прекраснее.*

К. Л.

Se va un barco de papel
Por el mar de la esperanza
...
Se va, se va y no volvera
Se va, se va, se va la libertad¹

*Teo Saavedra,
«Barco de papel»*

¹ Бумажный кораблик плывет
По морю надежды
.....

Он уходит, он уходит и больше не вернется.
Так проходит, так проходит, так проходит свобода.

*Teo Saavedra*², «Бумажный кораблик»

² Чилийско-французский революционер, певец и писатель.
Родился в 1952 году в Чили, в 1977-м уехал во Францию,
спасаясь от режима Пиночета.

Часть первая

Меня сочтут за сумасшедшую, за экзальтированную дамочку, за честолюбивую интриганку, за девушку с нестабильной психикой. Мне будут говорить: «Да ты просто не можешь этого сделать», «Так не бывает» — или просто интересоваться с беспокойством в голосе: «А ты уверена в себе?» Конечно, нет, я не уверена. А как я могу быть уверенной? Все произошло так быстро. Я не контролировала ситуацию. Я и не хотела ничего контролировать. Просто Эвелин была здесь, со мной. Этого было достаточно.

16 сентября 2016. Это должна была быть встреча по работе, обычная встреча, какие у меня происходят постоянно. Встретиться с автором, которого я хочу опубликовать, разделить с ним неистовую, страстную необходимость сделать это как можно скорее. А потом дать четкие указания: это вырезать, это сократить, здесь переработать, здесь добавить деталей, четче выразить мысль, подчистить стиль.

Некоторые редакторы склонны к мечтательному созерцанию. Тонкие длинные пальцы селенита; мозг в вечной полудреме; сад в стиле дзен, маленькие грабельки. Я принадлежу к другому подвиду: издатели — автомеханики, которые обожают копаться во внутренностях машины, с руками, испачканными машинным маслом и обработкой, с ящичком инструментов на все случаи жизни. Но тут был вовсе не обычный текст и тем более не обычный автор.

На моем рабочем столе, заваленном бумагами и ручками, лежала аннотированная рукопись. На этот раз мое внимание привлек даже не стиль, не композиция — меня поразил образ женщины, которую я увидела за этим текстом. Я дочитала — и во мне зародилось смутное, странное ощущение, волной прокатывающееся от сердца к голове и от головы к сердцу: какой-то огненный шар с голубоватыми контурами. Это было предчувствие грядущей встречи, не иначе. Я набралась мужества и позвонила ей, услышала «Алло» и выпалила: «Алло, здравствуйте, мадам Пизье».

Ее хрипловатый голос был теплым и обволакивающим. По мере того, как я говорила с ней, мой ужас рассеивался, я оттаивала, как ткань, принесенная с мороза, — и вот уже страх перешел в адреналиновый восторг. Ее история потрясла меня. Она была удивлена, не могла поверить, переспрашивала: «Что, правда? В самом деле?» Я видела, как ее сомнения материализуются перед моими глазами, как ни странно, каждое из них только подпитывало мою решимость. Из этого повествования нужно было делать книгу. Мы назначили встречу на следующую пятницу. Перед тем, как повесить трубку, я почувствовала, что на другом конце провода она улыбается.

Воздух был насыщен влагой, моросил дождь, какой-то слишком холодный для конца августа; набережные Сены казались нарисованными пастелью, в тумане плавала громада Нотр-Дама. Я была без зонтика, на ногах — сандалии. Плечо оттягивала сумка с тяжелой рукописью. Момент настал. Я глубоко вдохнула и позвонила в дверь.

Маленькая фея. Вот что я подумала, когда увидела ее силуэт в дверном проеме. Она была хрупкой, как птичка. Меня сразу пленили ее глаза, светлые и прозрачные, как небо Прованса, с морщинками-лучиками от улыбки. Она поздоровалась со мной, и мне понравилось, как она произносит мое имя своим хриплым, прокуренным голосом, перекатывая его в горле. Я во-

шла в студию, первый этаж выходил окнами в садик, где росли деревья. «Вы же совершенно продрогли! Дать вам свитер?» Я скромно отказалась. Много месяцев спустя я, в свою очередь, прислала ей теплую накидку, которую она так и не успела поносить.

Мы сидели напротив друг друга, передо мной дымилась чашка горячего кофе из кофемашины «Неспрессо». Понадобилась моя помощь; погодите, капсулу вот сюда, вот, готово, — обычно этим занимался ее муж. «Когда Оливье нет дома, я ничего не пью, ничего не ем. Мне на это наплевать». У меня, вероятно, был удивленный вид, и она пояснила: «Я ничего не умею делать на кухне. Моя мать всегда запрещала мне прикасаться к плите и швабре. Но это вы уже знаете». Она мотнула головой в сторону рукописи. Я улыбнулась. Выпила кофе.

Дождь барабанил в окна. Внутри было хорошо — теплый свет, мягкие, спокойные цвета. Эвелин закурила. «Вам не мешает дым?» Это «вы» исчезло очень быстро. Да и дым мне не мешал. Я не курю, но мне нравятся курильщики. Она засмеялась. Начала перелистывать рукопись, просматривая мои записи на полях. Удивленно покачала головой: «Вы немало потрудились».

Я видела коричневые пятна на ее руках, незаметные созвездия времени. Она носила свой возраст, как просторное платье. Он ее не стеснял. За ее почти семидесятилетним обликом проступали золотистые волосы, белая, как снег, кожа, слегка тронутая солнцем, лукавая улыбка — вечные приметы юности.

Мы разговаривали три часа подряд. О рукописи, о ее матери, о месте женщин в обществе, о зле, которое причиняют нам религии, о мужчинах, о сексе, о литературе. Ее улыбка на мгновение омрачалась тенью, ее взгляд устремлялся в пространство, но тут же вновь возвращался ко мне; она казалась мне очень красивой. По молчаливому соглашению мы обошлись без преамбул. Может быть, мы обе чувствовали, что времени не хватает, а может быть, это была такая таинственная и изящ-

ная форма взаимного признания: сходные вкусы, сходное мнение по поводу самых главных вещей, невозможность поступить иначе. Некоторые встречи нам предназначены, предопределены всем течением жизни. Они, как мне ни сложно написать это слово, поскольку ни я, ни она больше не верим в Бога, предначертаны где-то там, в неизвестности. Наш час пришел, час выхода на связь, час взаимопонимания, воспоминания о котором всегда приносят мне радость, час рождения дружбы, столь же сильной, сколь краткой, всеобъемлющей, которой до лампочки сорок семь лет, разделяющих нас.

Эвелин хотела рассказать о своей матери и через ее историю поведать свою. Увлекательную историю, охватывающую шестьдесят лет политической жизни, сражений, любви и драм, — с какой-то стороны портрет Франции: страны колоний и революций, страны освобождения женщин. Текст тяготел попеременно то к автобиографической повести, то к мемуарам. Мы единогласно решили: нужно сделать из него роман. Не стремиться к биографической точности, а следовать романической достоверности характеров и судеб. Разрешить себе изменить имена, дать волю воображению, углубить описания чувств и переживаний. Делать из этого цельное произведение. Эвелин захлопала в ладоши. Вместе у нас получится.

Мы писали друг другу почти каждый день. Она жила на юге, но это было не так уж далеко. Когда она приезжала в Париж, мы встречались в маленькой квартирке-коконе, работали среди бутылок и пепельниц, я слушала ее, улыбалась в ответ на ее улыбку, огорчалась ее огорчениям, смеялась вместе с ней — потом наступал час ужина, и разговор продолжался в ресторане, словно и не прерываясь, и снова бокал, и снова сигарета. Я была счастлива.

Все закончилось в один февральский четверг. Она была уже несколько дней в больнице, в тяжелом состоянии — еще одно испытание для нее, и без того прео-

долевшей столько всего. «Ты самая сильная» — вот последние слова, которые я ей написала. И это была правда. Но когда я увидела имя Оливье, определившееся на экране моего телефона, я сразу все поняла. Катастрофа. Я повесила трубку и разрыдалась.

Вокруг меня жизнь текла, как обычно, — на улице, в моем кабинете на площади Италии, — и это было невыразимо жестоко и безумно странно. Я не хотела видеть этих людей, бегущих по своим делам, эти отвратительно гудящие машины, эти мейлы, сыплющиеся на мою почту. Вспомнились слова друга-писателя: «Смерть, эта бездарная стерва...». От них лучше не стало. Гнев заливал мозг алой волной. Вернуться назад. Чего бы мне это ни стоило.

Остальное никому не интересно: мое горе, дрожащие руки, тактичное и внимательное отношение коллег и начальника, который тоже расстроился и переживал, и, главное, — пустота. Я вернулась домой, позвонила. Дома никого не было. Мой спутник был в отъезде, мама отправилась к родственникам в провинции. Я поставила кантату Баха, поступила банально — банальности иногда идут на пользу — и зажгла свечку. В чашке чая, стоящей передо мной, проплывали все воспоминания, те, которые связывали нас с ней напрямую, наши встречи, наша переписка, наши ужины; но еще и все остальные, те, которые были ей близки и которые, путем некоего действия, волнующего и волшебного, стали близкими и мне: история ее семьи, ее жизни, которую она подарила мне, избрав форму художественного произведения для своих воспоминаний.

Кантата замолкла, в квартире воцарилась тишина. Я вынула и положила в коробку компакт-диск, выключила проигрыватель. Что-то тяжелое, но очень спокойное воцарилось во мне. Я включила компьютер, открыла файл с рукописью. И начала писать.

Последние слова Эвелин, которые Оливье доверил мне, как сокровище, жгли меня изнутри. «Что бы

со мной ни случилось, обещаю закончить книгу вместе с Каролин». Она все переслала мне перед Рождеством: нить повествования, недостающую информацию, забавные факты, ключевые эпизоды. Оставалось только привести в порядок эту изобильную фактуру. Мы делали это вместе. Мы смеялись, пили белое вино, ставшее уже теплым, задавали друг другу бесконечные вопросы. Нужно ли оставить эту сцену? Представляет ли интерес эта деталь? Ты думаешь, это будет интересно читателям? Были безумная нежность и нежное безумие. Мы планировали летом устроить шумный праздник.

В ночи, которая уже начала обволакивать Париж, я увидела ее голубые глаза, ее улыбку и протянутую ко мне руку. «Теперь твоя очередь» — словно говорила мне она. Я подмигнула ей. Я — ее редакторша. Ее двадцативосьмилетняя подруга. Она была самым безумным и невероятным, что со мной случалось в жизни. Я обещала.

Я закончу эту книгу.

* * *

Она смеялась, как смеются дети, когда солнечный свет пропитан запахами сладостей и праздника. На кухне были выставлены сковородки, кастрюли и воки¹ всевозможных размеров, и Люси наедине с этой маленькой хозяйственной армией парила в мечтах в ожидании, когда придет няня. Воскресенье в Сайгоне. Жизнь казалась тогда еще такой легкой и радостной. С самого утра квартира утопала в цветах. Теплый ветер задувал в окна, защищенные решетками, и он был вестником, несущим радостные новости. Он, наконец, пришел, этот день, которого она ждала на протяжении долгих месяцев и который должен изменить все — отныне она одна будет принимать ванну, сама выбирать одежду в шка-

¹ Распространенная в Юго-Восточной Азии сковородка с выпуклым дном.

фу, сама учиться читать и писать. Она станет Большой, и это слово таило в себе множество магических обещаний. Круг, начертанный вокруг нее детством, становится шире. Она была к этому готова. Когда этим утром кюре сказал ей: «Мир вам, да пребудет с вами Благодать! Во имя любви к Христу осеним себя крестным знамением!» Она опередила родителей и протянула негнущуюся руку перед собой — эпоха поцелуев во время мессы уже миновала для нее. «Господи, помилуй!» — прошептала она. «Мир вам», — прошептала она. Так делали взрослые. Достаточно было повторить за ними.

Скрипнула дверь кухни — это зашла Тибаи. Люси нравилась ее гладкая кожа, ее миндалевидные усталые глаза, ее рот, узкий, как карандашный штрих. Служанка вытерла ноги, чтобы стряхнуть дворовую пыль, и поставила на стол блюдо, покрытое полотенцем.

— Это мой подарок?

Няня кивнула. Люси восторженно захлопала в ладоши.

— Что это, что это, что это? — Она хотела сдернуть тряпку, но Тибаи ловко удержала ее.

— Ты обещаешь ничего не говорить господину? И госпоже тоже, договорились?

Люси обещала.

Где-то вдалеке колокола собора прозвонили двенадцать раз. Можно было подумать, что они во Франции. Они и были во Франции.

Волшебница сдернула полотенце и открыла тарелку.

Люси сначала раскрыла рот от удивления: там было что-то желтоватое, местами белое, пахнущее медом. Тибаи с закрытыми глазами понюхала блюдо и внезапно схватила кусок:

— Попробуй.

Люси, в свою очередь, погрузила руку в лакомство. Оно оказалось одновременно хрустящим, сочным, сладким и соленым. Вкуснятина. Она съела еще, безо всяких вилок, липкий сок тек по пальцам, она начала обсасы-

вать их один за другим. Очень быстро на тарелке ничего не осталось.

Служанка плюхнулась на стул, а Люси уселась ей на колени.

— А что это было, Тибаи?

— А ты не догадалась? — Она улыбнулась. — Личинки ос!

Люси прыснула в ладошку. Она первый раз в жизни ела насекомых, никогда родители ей этого не разрешали, даже в дни праздников. Няня настойчиво повторила:

— Ты ведь никому не скажешь, правда же?

Потом она убрала со стола и разрежала спелую-пре-спелую папайю. Ее черные семена напоминали маленькие шарики для игры в марбл.

— Если ты их помоешь, можешь с ними поиграть, — сказала Тибаи.

Она нарезала плод дольками, достала сахар, ваниль; распустила масло на дне кастрюли. Перед окном завис колибри.

— Слушай, а давай поиграем?

Няня ничего не ответила, только откинула длинные черные волосы назад.

— Но ведь сегодня же мой день рождения!

— Я уже выбросила семечки, Люси.

— Да не в это. Давай в полицейского и вора?

— Кто будет полицейским, а кто вором?

— Да как всегда. Я — полицейский, ты — вор.

Оранжевые дольки обжаривались в сахаре. Тибаи помешала лопаточкой в кастрюле. Люси не обращала внимания на аромат жженого сахара, окутывающий кухню, она была настороже. Ее няня постоянно применяла одну и ту же тактику: с невинным видом изображая, что полностью погружена в свои занятия, внезапно атаковала. Люси напряженно следила за ее спиной, тающей молчаливую угрозу. Сейчас или позже? Но когда Тибаи внезапно оказалась к ней лицом, она все равно подпрыгнула от неожиданности.

Воздух разрезала белокурая молния. Растрепанные волосы, развевающаяся юбка и уже семь лет с самого утра. «Держи вора!» — кричала она, хохоча. Коридор наполнился пронзительным визгом, в воздухе мелькали босые пятки, Тибаи почти рядом, «Тебе меня не поймать!» — и внезапно хлопнула дверь в гостиную.

— Люси! — резкий окрик отца мгновенно остановил ее. Она оцепенела от страха.

— Папа...

— Замолчи.

Он встал с кресла, положил газету на журнальный столик.

— А вы что здесь?

Тибаи склонила голову. Рассыпалась в извинениях, пятясь, удалилась. Люси попыталась ускользнуть за ней.

— Нет уж, останься, погоди минуту.

Длинные худые пальцы прочертили дорожки по ее затылку.

— Мона? — отрывисто бросил он в сторону комнаты. Нежный голос ответил ему:

— Да, дорогой, что случилось?

Андре пожал плечами:

— Да тут твоя дочь.

Розовые, как раковинки, с тщательным маникюром, ногти Моны сияли в полуденном свете. Ясными голубыми глазами она глядела на дочь, удивляясь в душе, как тут она такая стоит сама отдельно от нее, со своим собственным телом и своим собственным разумом, которые до этого так долго были ее телом и ее разумом, плотью от плоти ее, кровью от крови, — и так и не могла уложить в голове такое загадочное явление, происходящее и с ней тоже.

Сидя рядом с мужем, она слушала его. Сколько она его знала, всегда только слушала. В безукоризненном костюме-тройке, красивый той мужественной, суровой красотой, которая особенно бросается в глаза у военных в форме (хоть он и был штатским), Андре уверенно воз-